

Олигархи помогут выйти из кризиса, к которому сами приложили руку?

Недавно в передаче "Свобода слова" писательница Оксана Забужко рассказала историю о том, как накануне президентских выборов 2004-го один неприкосновенный депутат защищал очередной подпольный склад "черных" контрафактных листовок от другого, столь же неприкосновенного, со словами: "Юра, зачем тебе это нужно? Это не твоя игра!".

На что ныне очень известный политик ответил: "Нестор, это моя страна!". С тех пор писательница делит всех политиков на "людей игры" и "людей страны". Увы, первые преобладают с подавляющим перевесом.

Многие эпизоды из истории возникновения и развития нынешнего противостояния во власти можно рекомендовать как прекрасные примеры для курса теории игр, поскольку их участники действуют вполне рационально, исходя из своих достаточно понятных интересов.

Конечно, кроме интересов, есть и другие факторы – культурные, личностные, геополитические и прочие, о которых лучше напишут коллеги. Встречаются, наверное, и искренние благородные мотивы, а может быть, и высокие поступки.

Но стоит подчеркнуть, что даже мотивированные сугубо "шкурными" интересами действия политических и бизнес-игроков, ни на секунду не задумывающихся "о народе", могут в итоге оборачиваться во благо общества, направляемые своего рода "невидимой рукой" – примерно такой же, как та, что действует в рыночной экономике.

Именно этим можно объяснить феномен рыночных реформ в Украине, проведенных вопреки воле большинства самых влиятельных игроков, а также убеждениям и предвыборным обещаниям самого Леонида Кучмы, зато в полном соответствии с логикой его поведения как рационального и ответственного "арбитра нации"

Клиентизм как "secondbest"

Популярно описанная в упомянутой статье политико-экономическая модель "арбитр"-клиенты описывает поведение основных игроков той эпохи и их исторических прототипов. Она во многом объясняет и последующие, в том числе недавние, события.

Есть несколько игроков – искателей ренты (т.е. дохода, получаемого по принципу "отнимать и делить", при этом не способствуя тем, кто "складывает и умножает"), каждый из которых стремится урвать побольше при "разделе пирога".

Будучи предоставлены сами себе, они, вероятнее всего, либо истощат источник прибыли чрезмерным присвоением (как, например, браконьеры); либо растратят всю ренту на борьбу друг с другом (как африканские племена, воюющие за контроль над месторождениями).

Поэтому и общество в целом, и сами игроки только выигрывают, если над ними "приходит и властвует" арбитр, плохо умеющий самостоятельно собирать ренту, зато достаточно сильный, чтобы по своему усмотрению разделить квоты и заставить всех подчиниться его воле.

Впрочем, больше всего выигрывает сам арбитр. Каждый из игроков заинтересован предложить ему большую долю в обмен на большую квоту, поэтому теоретически у арбитра есть возможность отобрать практически все.

А если что и оставить игроку, то только в обмен на политическую лояльность – то есть, сделать его "клиентом". Но нет худа без добра: такой арбитр лично заинтересован в благосостоянии своих клиентов.

Более того, до тех пор, пока в общественном сознании не укоренятся идеалы свободы предпринимательства, конкуренции и прав собственности, никто не в силах помешать арбитру успешно создавать для своих клиентов новые источники ренты, искусственно ограничивая всем остальным доступ на рынки.

Конечно, продаваться за ренту аморально, а создавать монопольные ренты, чтобы раздавать их "клиентам", еще и вредно для экономики, поскольку теряется общественная выгода от свободного обмена и конкурентного отбора. И, несомненно, такое государство отнюдь не ставит своей главной целью служение народу.

Тем не менее, как доказывает в своей недавней работе Нобелевский лауреат Даглас Норт в соавторстве с Барри Уэйнгастом и Дж.Дж. Уэллисом, основанный на "клиентизме" общественный уклад "с ограниченным доступом" позволил в свое время перейти от хаоса перманентных войн, истощавших "примитивное" (безгосударственное) общество, к большим и относительно мирным государствам, где развивались земледелие и ремесла.

При всех недостатках, "клиентизм" – и власть арбитра как его частный случай – оказался меньшим из зол ("second best") в сравнении с организованным насилием.

Каждого потенциально сильного игрока такое государство наделяет "вотчиной", с которой можно собирать ренту, и таким образом кооптирует его в правящую коалицию (не обязательно парламентскую, всякие совпадения и ассоциации просьба считать случайными).

В итоге, потенциальные возмутители спокойствия оказываются нейтрализованными: они не заинтересованы в насилии, поскольку оно разрушило бы их источники дохода; а борьба за ренту продолжается мирными методами и с выгодой для "арбитра".

Но с каждым новым игроком приходится делиться рентой, поэтому в коалицию зовут не всех подряд, а только тех, кто приносит конкретную политическую выгоду, превышающую затраты. Со времен неолита и до наших дней на этих принципах де-факто основано абсолютное большинство государств.

Однако, продолжают авторы концепции, со временем правящая элита разрастается настолько, что управление, основанное на межличностных взаимоотношениях, становится невозможным – появляется закон.

В дальнейшем, власть имущие (напомним, заинтересованные в обогащении своих клиентов), чтобы создать условия для инвестирования, иногда соглашаются и себя любимых подчинить закону – а это уже первый шаг к демократии и универсальным правам собственности.

Но лично мне представляется более важным другой фактор: контроль со временем усложняется, а готовность подчиняться уменьшается. Так что в конечном итоге в какой-то момент система "ограниченного доступа" просто перестает справляться со своей задачей и рушится, часто погребая под собой государства, миллионы людей и неисчислимые материальные ценности. Именно это на наших глазах произошло с Советским Союзом.

Но сквозь "ограниченный доступ" прорастает и расцветает на его развалинах, принципиально другой общественный уклад – "с открытым доступом", основанный на открытой и свободной конкуренции во всех сферах жизни, то есть на либеральной демократии и свободном рынке.

Впрочем, это вовсе не естественное состояние человеческого общества, как почему-то считают некоторые чересчур самоуверенные заокеанские "гуру". Такое общественное устройство, на самом деле, очень сложно, местами неэффективно и не может существовать при недостатке некоторых качеств общественного сознания, таких как уважение к собственности (в свою очередь, основанное на умении различать "отнимание и деление" от "сложения и умножения"), терпимость и способность к сознательным коллективным действиям ради общего блага. Особую роль играет уважение к закону, поскольку свобода возможна только в правовых рамках.

Зато возникновение "открытого доступа" исторически (лет триста тому назад) стало настоящей революцией, которая открыла путь "промышленной революции" и бурному экономическому прогрессу, аналогов которому не было в истории.

Увы, эта революция не обходится без потерь – ведь от одной системы к другой нельзя перейти плавно, если они основаны на взаимоисключающих принципах.

Однако, как мы знаем из собственного опыта, "свободу не спыныты": переход (который обычно длится десятилетиями) необратим, как и всякий прогресс; а реваншизм, в конечном счете, всегда обречен. Еще ни одна страна в истории не трансформировалась в обратную сторону. Украина проходит как раз через самый бурный период такой трансформации.

"Оранжевая" революция была, как вскоре стало очевидным, далеко не последним переломным моментом на этом пути. Она разрушила иерархическую вертикаль арбитров-клиентов, но не сам принцип "ограниченного доступа" и поиска ренты.

А поскольку Президент Ющенко отказался быть новым арбитром, даже в отношении политических сил (да и политреформа поубавила президентских полномочий), то остались две возможности. Либо игроки договариваются целенаправленно создавать институты "открытого доступа" к рынкам и власти, либо свято место пусто не бывает.

Логика развития

Но легко сказать "договариваются"! Начнем с предмета: договориться о правилах, которые каждому дадут заработать сообразно способностям и удаче (но заранее неизвестно, сколько именно!) трудно, но возможно – в отличие от "дележки пирога", где взаимовыгодного решения нет, а компромисс неустойчив.

Да и следить за соблюдением правил должно помогать все общество, поскольку оно заинтересовано в "прибавлении и умножении", в то время как искателей ренты логично предоставить самим себе, а то и вообще преследовать (впрочем, обществу еще предстоит научиться отличать одних от других – подробнее см. "Демократия победила! Да здравствует король?" — два года спустя: "Размышления у разбитого корыта?", "Зеркало недели" № 1 (630) 13 - 19 Января 2007).

Значит, вместо привычного "дерибана", игрокам, вскормленным на ренте, волей-неволей придется искать взаимоприемлемые правила совсем иной игры – честного бизнеса в правовом государстве.

Таким образом, бизнес-игроки оказываются перед дилеммой: или оставаться "клиентами" арбитра, получая ренту из его рук в обмен на преданность и "откат" (это называется патернализм), или обрести свободу в рамках закона, отказавшись от подачек (и, возможно, со временем даже завоевав народную любовь!) – это называется "эманципацией".

Причем этот трудный выбор приходится делать коллективно, поскольку однажды появившись на арене, арбитр уже не позволит никому из крупных игроков уйти из-под своей власти. До последнего времени наш бизнес выбирал первый вариант. Но есть надежда, что времена изменились.

Для начала заметим, что арбитр арбитра рознь. Одно дело – всевластный "хозяин", который сам решает, сколько у кого забрать, а сколько из милости оставить. Другое – наемный или выборный воевода, шериф, который существует на добровольные пожертвования, вынужден все время отстаивать свое преимущество перед потенциальными конкурентами и может в любой момент поплатиться изгнанием за чрезмерную жадность или безделье.

Разница все в той же потенциальной конкуренции, то есть "открытом доступе". Получается, что даже ренто-ориентированному бизнесу выгодна конкуренция арбитров. Арбитр же, со своей стороны, стремится к монополии на власть. На почве этого столкновения интересов и возникает само собою вожаделенное "разделение бизнеса и власти".

Пока в Украине существовала иерархия арбитров и клиентов, соперничающие бизнес-административные группы (БАГ), увенчанные политическими партиями, были ее естественными звеньями.

Революция в одночасье сорвала с большинства из них "крыши" и вынудила бизнесменов заняться превращением БАГ в ФПГ, а политиков – озаботиться зарабатыванием политического капитала.

В "оранжевых" же партиях бизнесмены хотя и пользуются (порою даже злоупотребляют) влиянием, но далеко не чувствуют себя полновластными хозяевами. По сути, Партия Регионов оставалась последней (но самой мощной!) партией "старого" типа.

Однако безжалостная логика вышеописанного столкновения интересов в сочетании с некоторыми другими факторами оставляют ей мало шансов на выживание в существующем виде. Не имея на руках никаких (подчеркиваю, никаких!) реальных фактов о "подковерной" жизни, позволю себе потеоретизировать на сей счет и предоставить более информированным коллегам сопоставлять теорию с реальностью.

Итак, во-первых, каждая БАГ – это своего рода "государство в государстве". И живет она по той же логике описанного выше "ограниченного доступа": от лишних и плохо контролируемых активов нужно избавляться.

История, правда, знает много примеров, когда сплоченным и дисциплинированным этнокультурным меньшинствам (например, суннитам в Ираке) удавалось сформировать очень большие и при этом устойчивые кланы, способные подчинить себе всю страну. Но обычно у БАГ, как и у всякой вертикально-интегрированной структуры, существует критический размер, который ей не дано перерастить, оставаясь в данном формате.

Конечно, у дисциплинированных и индустриальных донецких максимально возможный размер "клана" больше, чем у индивидуализированных и местечковых галичан. Но и "донецкий клан" уже давно раскололся под собственным весом.

Более того, логика дальнейшего роста бизнес-части требует введения прозрачных схем управления внутри бизнес-структур, а выход на IPO – избавления от имиджа искателей ренты. А, значит, надо прощаться с привилегиями (они завязаны на непредсказуемые для инвесторов политические риски!), оффшорами, полукриминальными и совсем бандитскими методами...

И "крыша" на этом этапе уже нужна постольку поскольку, чтобы прикрывать от левых наездов с броневидами перед офисом. Наверное, непривычно так жить после стольких лет постсоветского бизнеса, ну да нашим бизнесменам гибкости не занимать. Впрочем, кто его знает, хватит ли на этот раз...

Но вернемся к модели "арбитр-клиенты", и задумаемся, как она возникает. Представьте себе изначальную ситуацию, когда никакого арбитра нет, и искатели ренты просто конкурируют, растрачивая львиную долю добычи на междоусобицы.

И тут появляется новичок, с "козырным тузом" в виде союзника, облеченного властью (или силой), но не проявляющего интерес к тому, чтобы лично заняться барышничеством. На пару они договариваются вытеснить или подчинить всех остальных, с тем, чтобы получить все самим – и, допустим, у них даже хватит сил это сделать. Но что дальше?

Вот тут-то и расходятся интересы бизнеса и власти. В какой-то момент "силовик" осознает, если не дурак, что в случае полной победы он останется один на один со своим союзником, и еще неизвестно, что победит: его монополия на силу или монополия игрока на ренту!

Гораздо выгоднее и надежнее (и, кстати, лучше для страны) стать арбитром, получая ренту (или, на выбор, поддержку) от всех сразу на блюдецке с голубой каемочкой, добровольно и с песнями.

Но и бизнесмену, в свою очередь, раз уж он попадает в клиентскую зависимость, как описано выше, не выгодно монополия арбитра на власть. Возможно, именно на этой почве поссорился в свое время Леонид Данилович с Павлом Ивановичем; а по некоторым непроверенным слухам в прессе – и Виктор Федорович с Ринатом Леонидовичем.

И так будет с каждым! Поэтому, если бы даже, например, Ахметов и мог примитивно скупать депутатов, то не в его интересах было бы формировать конституционное большинство под премьера, независимо от личности последнего.

Другое дело, что в нашей стране благодаря возможности избирательного применения неисполнимых законов премьер сам обладает такой властью, что вполне может расширить коалицию самостоятельно – и пряником, и кнутом.

Эта не оговоренная никакой конституцией неформальная власть дает ему возможность избирательно управлять доступом на рынки, создавая источники ренты для приближенных и перекрывая кислород оппозиционерам.

То есть у жаждущего власти (а любой политик по определению является таковым) есть весь необходимый инструмент для того, чтобы, став премьером, по мере необходимости расширять коалицию и диверсифицировать свою политическую базу, увеличивая тем самым свободу маневра.

Хуже того, нет механизма, способного помешать ему расширить эту власть до почти абсолютной и добиться полной и окончательной стабилизации, то есть стать новым арбитром и восстановить клиентско-арбитражную вертикаль.

Безусловно, получив вождьленную власть и свободу маневра, новый арбитр был бы снова вынужден употребить ее, по крайней мере, частично, во благо народа. Как показал классик современной политэкономии [Мансур Олсон](#), даже описанный им "оседлый бандит" (stationary bandit) при полном отсутствии прочих мотивов просто шкурно заинтересован поддерживать какой-никакой правопорядок на контролируемой территории и хотя бы понемногу тратиться на другие общественные блага для подданных.

Он даже заинтересован в экономическом росте, который в наше время возможен и в условиях "ограниченного доступа", по крайней мере, на этапе индустриализации.

Но с долгосрочной точки зрения, потенциал индустриального роста в Украине практически исчерпан – ну еще на несколько лет хватит, дальше что? А постиндустриальный, инновационный, рост в условиях "ограниченного доступа" не-воз-мо-жен! Даже когда-то примерной Корее пришлось из-за этого пройти через болезненную трансформацию.

Поэтому с точки зрения долгосрочных перспектив Украины как страны, и украинского бизнеса в частности, этот путь неприемлем. Рискну предсказать, что если только не вмешаются внешние силы, в обозримом будущем монополичный арбитр и не появится, поскольку в нем уже нет общественной необходимости.

Ренты уже не те, что были десять лет назад, так что экономике он не нужен, поскольку прибавлять и умножать не помогает; да и править народом, узнавшим, что такое Майдан – слишком сложная задача для иерархии клиентов и арбитров.

Pacta sunt servanda

Остается единственная альтернатива арбитру – это упомянутая выше "многосторонняя договоренность" на уровне всего общества или хотя бы, для начала, правящей элиты.

Однако даже если бы все основные игроки бизнеса уже сделали принципиальный выбор в пользу эманципации, остаются серьезные проблемы с соблюдением договоров.

Поскольку игроков не много, а очень много, предметом договоренности могут быть только универсальные законы и способы надзора за их выполнением. Тут возникают две общие проблемы.

Во-первых, механизм: представляете себе "круглый стол" с несколькими миллионами участников? Значит, нужна действенная система представительства интересов, способная вырабатывать правила, которые будут уважать все.

Во-вторых, надзор: до тех пор, пока строгость законов умягается необязательностью их исполнения, единственным противовесом губительной анархии остается "порядок", наведенный твердой рукой все того же арбитра.

Поэтому результатом стратегической договоренности должны стать законы, которые будут выполняться всерьез (а не избирательно); судебная реформа, которая обеспечит их соблюдение; и конституция, которая обеспечит, как минимум, перманентную и жесткую конкуренцию претендентов в "арбитры", а еще лучше – полную гарантию от их появления.

Необходимо, прежде всего, разорвать порочную обратную связь, которая позволяет исполнительной власти давить на законодателей.

К сожалению, одно из основных препятствий для достижения и, главное, соблюдения любой подобной договоренности состоит в том, что существовавшая испокон веков система отношений "арбитр-клиенты" не способствовала выработке культуры "горизонтальных" договоренностей, не говоря уже об их соблюдении.

Печальной иллюстрацией может служить очередное обострение политического кризиса, которое на данном этапе переживает Украина. Срочно необходимо хотя бы остановить эскалацию угроз и выработать способ выхода из кризиса без потери лица какой-либо из сторон конфликта – но они, похоже, не в состоянии договориться.

Нет, наши политики совсем не против переговоров и начинают сразу же призывать к ним, особенно когда проигрывают. Однако, потом при первой же возможности нарушают все договоренности!

Увы, апелляции к порядочности в большой политике мало актуальны. Для "людей игры" существует только два способа заставить их держать данное слово.

Первый. Если каждый из игроков уверен, что ему придется иметь дело с теми же партнерами снова и снова, до бесконечности (иными словами – неопределенно долго), то все они вынуждены вести себя осмотрительно, поскольку за предательством последует неминуемое наказание – месть, изгнание из игры, и т.д.

Поэтому, например, относительно безопасно покупать товар у стационарного продавца. Но в одноразовых сделках правила совсем другие. Поэтому, если один из политических игроков считает, что он в обозримом будущем сможет другого "закопать", то договоренности будут нарушаться снова и снова.

Трудно сказать, кто первый развязал войну на уничтожение в украинской политике, но, к сожалению, начиная с президентской кампании 2004 года (возможно, с подачи российских политтехнологов из "команды власти") обе стороны задались конечной целью изжить соперников до основания.

При этом ни одна из сторон не желает первой признавать, что такая игра, на самом деле, ведет к взаимному уничтожению, или, в лучшем (!) случае, расколу страны – сценарию до того рискованному, что его даже страшно анализировать. В такой ситуации взаимные договоренности политиков не работают, и, скорее всего, никогда не сработают; а призывы к ним – демагогия с целью опять "кинуть" соперника.

Второй способ – это привлечение третьей силы в качестве гаранта. В той степени, в которой подобная сила (в лице государства) неявно присутствует в обычных деловых отношениях, мы с вами имеем возможность покупать товары и услуги не только у знакомых и соседей.

В политике гарантом обычно служит либо народ – если он готов наказывать политиков за вероломство как таковое, а не рассматривает удачный "кидок" как победу "своих"; либо международное сообщество.

Именно последний способ помог в последние годы прекратить несколько гражданских войн в разных странах. Во время "оранжевой" революции нам тоже помогали Солана, Квасьневский, Адамкус... Может быть, на сей раз обойдется неформальным посредничеством. Однако оно необходимо хотя бы для того, чтобы предотвратить эскалацию.

Что характерно, на политическом уровне эффективным посредником и гарантом такой договоренности, как и два с половиной года назад, может стать только Запад.

С одной стороны, ни президенты западных стран, ни другие действующие политики не приезжали в свое время в Украину агитировать за более приемлемого для них кандидата. Да и сейчас управляемая из Кремля Госдума недвусмысленно поддержала позицию одной из сторон.

С другой - Россия не имеет достаточно эффективных средств воздействия на одну из сторон конфликта, в то время как в поддержке и признании Запада заинтересованы обе стороны. По иронии судьбы, брошенные российскими политтехнологами и их местными сателлитами раскольнические лозунги приводят сегодня к тому, что Украина вынуждена идти за поддержкой и гарантиями к Западу!

Но, может быть, достаточно договориться один раз – о том, чтобы провести справедливые и честные выборы, а дальше все пойдет по-другому?

Увы, сами по себе выборы не решат ни одной из поднятых выше проблем и не заставят стороны соблюдать договоренности в дальнейшем. Более того, когда победители и побежденные определятся, договариваться будет уже поздно.

Отмеченная выше неустойчивость договоренностей о дележке пирога применима и к этому случаю (если по сегодняшним правилам победитель получает все, то какой ему смысл делиться?), да еще и сама избирательная кампания, согласно законам жанра, подольет масла в огонь раскола и нетерпимости.

Впрочем, нельзя дать никакой гарантии и в том, что довыборные договоренности (даже, гипотетически, закрепленные законами) не будут впоследствии пересмотрены победителями.

В то же время, трудно представить, чтобы нынешняя Верховная Рада (даже если бы ее правомочность не вызывала никаких вопросов) смогла осмысленно изменить правила игры таким образом, чтобы навсегда устранить угрозу узурпации власти.

Идеальным выходом был бы, наверное, Конституционный Конвент, но это пока что утопия: кто и как сможет избрать хотя бы относительно непредвзятых специалистов? И где в постсоветской стране, привыкшей к войнам до победного конца, набрать столько людей, глубоко осознающих, что только железобетонные гарантии прав меньшинства (каким бы оно ни было!) делают демократию устойчивой?

Так что при существующем раскладе основной реальной силой, способной вывести ситуацию из тупика, остаются игроки, которым есть что терять – то есть, как ни странно, в первую очередь бизнес.

Малый и средний уже проявил себя в ходе "оранжевой" революции. Но для нынешнего кризиса он пока еще недостаточно силен, чтобы переломить ситуацию, и слишком многочислен, чтобы стать единым и самостоятельным игроком.

Теперь настала очередь крупного и очень крупного – да-да, того самого, который в союзе с властью имущими начальниками столько лет беззастенчиво грабил сограждан, давил конкурентов силой, корежил законы под свои интересы, покупал суды, а в приснопамятном 2004-м чуть было вообще не продал свою страну в вассальную зависимость за дешевые энергоносители, при этом безжалостно выкручивая руки своим меньшим собратьям, не говоря уже о простых людях.

Но при этом, в полном соответствии с вышеизложенной теорией, все равно оказался заложником стабильности (а в нашем случае – и независимости) страны. Именно этого фактора не доставало в России 93-го: "красные директора" не были полноправными владельцами, и поэтому готовы были до конца стоять против ваучерной приватизации.

Может быть, еще важнее, что как бы плохо ни была защищена собственность в нашей стране, она все-таки стабильнее должности или рейтинга. Поэтому за десять лет владельцам крупных активов пришлось научиться сосуществовать с конкурентами, договариваясь по мере необходимости и избегая крайних мер.

И если даже кто-то из них питал надежды на окончательное вытеснение соперников политико-административными методами, то недавние примеры должны были убедительно продемонстрировать их тщетность: описанная выше логика взаимоотношений арбитра с клиентами работает!

Сейчас "инстинкт самосохранения" (как назвал его Александр Пасхавер) должен заставить бывших олигархов сделать следующий, неимоверно трудный, хотя и необходимый шаг: самостоятельно, уже без папы-арбитра, предпринять "коллективное действие" в защиту своих хотя и личных, но долгосрочных интересов – за спинами политиков договориться о прекращении, раз и навсегда, войны на уничтожение, а также любых других действий, раскалывающих страну.

Договорились же в середине девяностых московские банкиры прекратить убивать друг друга!

Кстати, в таком случае бизнес-сообщество может стать и действенным национальным гарантом договоренностей политиков, поскольку оно в состоянии перекрывать финансовый кислород нарушителям конвенции.

Если наши миллионеры с миллиардерами не на словах, а на деле "выросли из коротких штанишек", то у них должно хватить мудрости, ответственности и стратегического видения для такой роли.

Владимир Дубровский, CASE Украина